

УДК 94 (470) «18»
DOI: 10.17223/19988613/48/2

В.П. Бойко

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО И В СТАТЬЯХ ЕГО КРИТИКОВ

Рассматривается эволюция облика русского купечества в творчестве А.Н. Островского во второй половине XIX в. и отношения к его пьесам современников, прежде всего профессиональных критиков. Отмечены основные периоды в творчестве: сначала Островский следовал канонам натуральной школы, затем стал «почвенником», потом отдал дань революционно-демократическому направлению в русской литературе и только после реформы 1861 г. вступил на путь зрелого реализма. Эта эволюция не осталась без пристального внимания современников и отразилась в литературной критике, которая также рассматривается и анализируется в статье.

Ключевые слова: Россия; купечество; А.Н. Островский; деятельность; облик.

В современной России, вставшей на буржуазный путь развития, широко и активно изучаются прошлое русского капитализма, его позитивные и негативные черты, и достигнуты уже определенные успехи. Важными достижениями отечественных историков стали двухтомник «История предпринимательства в России», посвященный памяти Валерия Ивановича Бовыкина, «История русского купечества» В.Б. Перхавко, «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» в двух томах и многие другие достойные внимания и полезные для исследований капитальные работы [1]. Тем не менее активное изучение истории купечества продолжается, и одним из путей расширения и обновления корпуса ранее неизвестных фактов стала публикация новых источников по теме исследования [2], включение в оборот уже известных, но мало используемых источников, к числу которых мы относим прежде всего произведения художественной литературы.

Замкнутый мир сначала московского, а потом и провинциального, общероссийского купечества пристальнее других писателей рассматривал великий русский драматург Александр Николаевич Островский (1823–1886). Он родился в Замоскворечье – районе, где традиционно селилось мелкое и среднее московское купечество, вышедшее, как правило, из недавних крестьян или мещан, выбившихся «в люди», пройдя суровую жизненную школу. Отец будущего драматурга был духовного звания, но поступил на гражданскую службу и получил позднее дворянское достоинство. Помимо государственной службы он занимался частной практикой и преуспел в этом сложном и чреватом опасностями деле – стал после отставки преуспевающим присяжным стряпчим (адвокатом) Московского коммерческого суда. После окончания престижной Первой Московской гимназии и трех лет обучения на юридическом факультете в Московском университете А.Н. Островский поступил канцеляристом в Московский совестный суд, а через два года, в 1845 г., – в Московский коммерческий суд, откуда ушел в 1851 г., чтобы стать профессиональным литератором. Еще в гимназии Островский много читал, увлекался литературным творче-

ством, а в университетские годы стал страстным театралом, что было совершенно естественно, так как в это время «на московской сцене блистали великие русские актеры П.С. Мочалов и М.С. Щепкин, имевшие большое влияние на молодежь» [3. Т. 2. С. 105].

Творческий путь А.Н. Островского можно разделить на следующие периоды: первый, самый ранний период, когда наибольшее влияние на него имела «натуральная школа», связан с комедией «Свои люди – сочтемся!» (1849) и длился до 1851 г. Основным принципом этой школы было изображение всей правды жизни тех слоев населения, которые раньше не рассматривались писателями в качестве объекта исследования. Это было продолжением гоголевской традиции в отечественной литературе, когда объективное изображение действительности сопровождалось критикой и иронией над существовавшими порядками. Сборник очерков под прозаическим названием «Физиология Петербурга», составленный Н.А. Некрасовым и В.Г. Белинским из произведений известных писателей, принадлежавших к «натуральной школе» был определенным этапом становления отечественного реализма, когда пришлось преодолевать романтический период в русской литературе, отчасти навеянный писателями и поэтами из декабристских и сочувствующим им кругов. Сборник был составлен из статей русских литераторов 40-х гг. XIX в. и издан в 1845 г. в двух частях. Среди описаний многих слоев и групп населения тогдашней России отметим яркую характеристику московского купечества, данную Белинским в очерке «Петербург и Москва»: «Ядро коренного московского народонаселения составляет купечество. Девять десятых этого многочисленного сословия носит православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк; одна десятая позволяет себе брить бороду и, по одежде, по образу жизни, вообще по внешности, походит на разночинцев и даже дворян средней руки. Сколько старинных вельможных домов перешло теперь в собственность купечества! <...> Для русского купца, особенно москвича, толстая статистая лошадь и

толстая статистая жена – первые блага жизни... В Москве повсюду встречаете вы купцов, и все показывает вам, что Москва по преимуществу город купеческого сословия» [4. С. 58, 59].

Первая комедия Островского хоть и была посвящена этому влиятельному слою населения Москвы, но, рисуя экзотический быт замкнутого купеческого мира, на самом деле отражала общерусские процессы и перемены [3. Т. 2. С. 107]. Сюжетная линия комедии разворачивается вокруг двух главных фигур – крупного торговца Самсона Силыча Большова и его приказчика Лазаря Подхалюзина. Купец желает уйти на покой, приумножив свой капитал за счет ложного банкротства, а право на свою собственность передать верному и льстивому приказчику Подхалюзину. Торговля, по их мнению, не приносит должного дохода, несмотря на ловкость приказчиков и обилие товаров, и в голову Большова приходит мысль переписать свое имущество на приказчика, а самому сесть на некоторое время в долговую тюрьму. Однако дело поворачивается так, что полным хозяином положения становится бывший приказчик, который женится на дочери купца и нисколько не заботится об участии своего бывшего патрона.

Главным достижением А.Н. Островского в этот период следует признать глубокое проникновение во внутренний мир купечества, овладение терминами и самим строем купеческого языка, что позволяет нарисовать яркие и выпуклые образы купца «старого закала», значительность и могущество которого заявлена уже в самом его имени, и купцов нового поколения, которые берут свое хитростью и смекалкой, мнимой образованностью и следованием за изменчивой модой как в одежде, так и в образе мыслей [5. Т. 1. С. 40–45]. Пьеса «Свои люди – сочтемся!» – это объективная картина общества перед буржуазными реформами, целый мир противоречий между отцами и детьми, между ролями мужчин и женщин, которые они разыгрывали в купеческой среде. Отметим также, что человеческое сочувствие остается по ходу драмы за бывшим самодуром и его преданной супругой, а не за победителями в лице Подхалюзина и его бездушной жены, которая мало интересуется судьбой своих родителей. Одноклассник Островского по гимназии, просвещенный чиновник Н.В. Берг с восторгом отметил выход в свет комедии «Банкрот» (так она первоначально называлась): «Вся интеллигенция Москвы заговорила об этой пьесе как о чем-то чрезвычайном, как бы небывалом. Наиболее всего поражал в ней язык московских купцов, впервые выступивший в нашей литературе с такою живостью, яркостью и силою. Но, кроме языка, и самый купеческий быт, способы мышления и жизненные приемы этого сословия нарисованы были могучею, широкою кистью <...> как бы опытного художника, о существовании которого никто не знал; никто не видал его постепенного развития, разных мелких, робких, отроческих статей» [6. С. 38]. Долгое время эту пьесу не только не могли поставить на сцене, но даже напе-

чатать. Только после настойчивых ходатайств влиятельных почитателей таланта Островского пьеса появилась в печати, а до этого автору приходилось десятки раз читать ее на литературных вечерах, где однажды даже присутствовал Н.В. Гоголь и вполне одобрил произведение «народного самородка». Истоки его таланта Н.В. Берг, знавший писателя с детства, видел в том, что «Островский заговорил купеческим языком, как никто из наших писателей, потому что жил и вращался среди купцов с малого возраста. Отец его был секретарь Московского коммерческого суда. В его доме с утра до ночи толкались купцы, решая свои разные вопросы. Мальчик Островский видел там не одного банкрота, а целые десятки; а разговоров о банкротстве наслушался и бог весть сколько; не мудрено, что язык купцов стал некоторым его языком. Он усвоил его себе до тонкости» [Там же. С. 40–41].

Следующим этапом творчества А.Н. Островского (1852–1854) стало сближение с редакцией журнала «Москвитянин», вернее, с группой молодых критиков и литераторов в этой редакции, которые по своим воззрениям были близки к славянофилам. Позднее это культурно-философское течение назовут «почвенничеством» за пристрастие к русским традициям и некоторую идеализацию патриархальных, народных по своей сути отношений. Лучшая пьеса этого периода – «Бедность не порок» – посвящена истории взаимоотношений двух поколений в купеческой семье Торцовых. Как и в ранней комедии «Свои люди – сочтемся!», вновь старшее поколение конфликтует с младшим, но, в отличие от первой пьесы, младшие здесь проигрывают, уступают дорогу сильным и уходят в тень. Власть старших над младшими имеет материальный (денежный) характер, и в пьесе тесно сплетаются драматические и комедийные начала, которые затем становятся характерными для творчества Островского. В патриархальную жизнь семьи Торцовых проникает чуждый для нее элемент в лице фабриканта Коршунова, который смог сбить с толку главу семейства Гордея Торцова, играя на его самолюбии и самодурстве, но тот находит в себе силы вернуться к патриархальным началам своей жизни и тем самым спасти всю семью от позора. Вывод, который делает Островский в этой пьесе, вполне соответствует идеям славянофилов о том, что верность дедовским традициям – источник общественного и личного благополучия, в то время как новшества несут в себе тяжелейшие испытания и беды.

Единственным героем и одновременно жертвой таких обстоятельств становится в этой пьесе купеческий сын Любим Торцов, который должен был стать в какой-то степени «идеальным» купцом, так как не был обделен талантами, образованием и совестью, но, как водится на Руси, потеряв веру в людей, мгновенно разорился и от горя спился. И.Ф. Горбунов, Известный в России актер середины XIX в., ставший бытописателем купеческой среды, в своих воспоминаниях отмечал: «В дни оны подобные люди представляли тип. Они

обыкновенно выходили из разоренного купеческого гнезда. Разорился, например, купец, и побрели розно все родственники, составлявшие купеческий дом: “купеческие братья”, “купеческие племянники”, тетки и т.п. <...> Молодежь, вкусившая на дядин капитал всех прелестей прежней Нижегородской ярмарки с ее историческим селом Кунавиным, с трактирами Никиты Егорова, Барбатенки и т.п., путались по Москве без всякого дела. Иные пристраивались к какому-нибудь певческому хору, другие продавались в солдаты, а некоторые поступали в актеры» [7. С. 57]. В то же время Любим Торцов, потеряв свое купеческое звание и состояние, обретя горький жизненный опыт, смог взглянуть на события в своей семье со стороны, «трезво оценить их и направить их течение к общему благополучию» [3. Т. 2. С. 108]. Крупнейшим достижением Островского в этот период стало создание образа Любима Торцова, когда в вечно пьяненьком и обтерханном человеке проявляются одновременно поэтические и типично жизненные черты разорившегося купца. Потеряв все, он не теряет ума и человеческого достоинства.

Один богатый московский купец держал свой дом открытым не только для коллег по бизнесу, но и для людей искусства, певцов, музыкантов, артистов, писателей. И.Ф. Горбунов вспоминал, что из артистов у него бывали знаменитости – Садовский и Живокини. Однажды после посещения театра хозяин говорил несравненному исполнителю роли Любима Торцова П.М. Садовскому: «Верите, Пров Михайлович, я плакал. Ей богу плакал! Как подумал о том, что со всяким купцом это может случиться <...> страсть! Много у нас по городу их таких ходят, – ну подать ему, а чтобы это жалеть. <...> А вас я пожалел, именно говорю. Думаю, господа, сам я этому подвержен был, ну, вдруг! Верьте богу, страшно стало... Спасибо голубчик, многие, которые из наших, может, почувствуются. Я теперь, брат, ничего не пью, будет! Все выпил, что мне положено!» [7. С. 63]. Картина распада личности купеческого сына была нарисована актером Садовским настолько верно и выпукло, что стала образцом для подражания многим современным ему исполнителям этой роли, да и последующие поколения актеров немало от него брали для себя полезного.

Третий этап творчества А.Н. Островского связан со сближением с революционно-демократическими кругами накануне отмены крепостного права (1855–1860). Общественно-политическая обстановка в стране была накалена, и пьесы Островского по-своему ее отражали. Прозвучала в них и купеческая тема. В пьесе «В чужом пиру похмелье» был создан яркий образ купца-самодура Тит Титыча Брускова, ставшего именем нарицательным. Однако зрители не сразу заметили иронические и юмористические нотки в образе этого дельца, который больше шумит и грозит, чем обижает и наказывает. На богатого московского купца «старого закала» образ Тит Титыча так подействовал, что он при встрече с исполнителем этой роли П.М. Садовским не

мог скрыть своего восторга: «Ну, Пров Михайлович, такое ты мне, московскому первой гильдии купцу Ивану Васильеву Н-ву, уважение сделал, что в ноги тебе я должен кланяться. Как вышел ты, я так и ахнул! Да и говорю жене – увидишь, спроси ее – смотри, я говорю, словно бы это я! <...> Борода только у тебя покороче была. Ну, все как есть, вот когда я пьяный. Это, говорю, на меня критика. Даже стыдно стало. Ну, само собой, пьяный и ударишь, кто под руку подвернется, и покричишь... Вот наемни в московском трактире полового Гаврилу оттаскал, – две красненьких отдал (20 руб. – В.Б.). Да ты что! Сижу в ложе-то, да кругом и озираюсь: не смотрят ли, думаю, на меня. Ей-богу!.. А уж заговорил ты про тарантас, я так и покатился! У меня тоже у Макарья случай с тарантасом был... И он рассказывал, как он, с Нижегородской ярмарки возвращаясь в Москву, три дня не вылезал из тарантаса» [7. С. 63].

В год написания этой комедии, в 1856 г., Островский совершил путешествие по Волге для исследования по поручению великого князя Константина Николаевича «быта жителей, занимавшихся морским делом и рыболовством» [8. Т. 1. С. 7]. Связано это было с тем, что для набора во флот новобранцев, знакомых с морским делом, адмиралтейство выделяло средства для научных экспедиций в приморские районы на севере и юге страны, в края, где люди жили около больших рек и занимались промыслами, связанными с водой. По свидетельству известного путешественника и бытописателя С.В. Максимова, результатом этого путешествия Островского стало «поражающее количество собранных на верхней Волге разнообразных материалов, которые только отчасти напечатаны в Морском сборнике» [9. С. 101]. Собранные материалы и полученные впечатления послужили основой для нескольких исторических пьес, посвященных трагическим и героическим моментам русской истории: «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» и других, но главным результатом поездки на Волгу стала драма «Гроза» (1859). Благодаря этой пьесе Островского мы видим жизнь российской провинции как бы на изломе, на переходе от патриархальных начал «темного царства» к новым в виде протеста и перехода к личной и общественной свободе, которые так необходимы, по мнению писателей и критиков из революционного лагеря, русскому обществу для всеобщего счастья.

Обратимся теперь к наследию юного кумира той эпохи, критика популярного тогда журнала «Современник» Н.А. Добролюбова (1836–1861), чтобы оценить создавшуюся накануне Великих реформ ситуацию. Он родился в семье священника в Нижнем Новгороде и до 11 лет воспитывался дома, а затем учился в нижегородской семинарии. В 1853 г. уехал в Петербург для поступления в духовную академию, но вместо нее поступил на историко-филологический факультет Главного педагогического института на «казенный кошт», т.е., как нынче говорят, стал «бюджетником».

Очень рано в юноше проявился талант критика, и в 1854 г. он составил острую рецензию на сборник Ф.И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки», где обвинял автора в натяжках при объяснении мифологических истоков пословиц и поговорок, причислении к ним книжных сентенций. В том же году Добролюбова постигает тяжелый удар – смерть отца и матери, в результате чего он резко порывает с православием, становится убежденным атеистом и критиком режима сначала в педагогическом институте, где учился, а затем и в стране, начинает активно сотрудничать с «Колоколом», издаваемым в вольной русской типографии в Лондоне [3. Т. 1. С. 254].

Семейная жизнь Н.А. Добролюбова не сложилась – его сватовство к сестре жены Н.Г. Чернышевского закончилось неудачей. Чернышевский решительно воспротивился этому, что привело к отъезду Добролюбова в 1860 г. за границу, где он лечился от туберкулеза на курортах Швейцарии, а также Франции и Италии. Через год он вернулся на родину и продолжил работу в «Современнике», но лечение за границей не было успешным, и в ноябре 1861 г. он умер. Жизненный опыт у критика был небольшим, поэтому судил он об обществе преимущественно по литературным источникам, приписывая, например, купечеству, качества, которые стали потом хрестоматийными для современников и последующих поколений читателей. Вот как он описывает жизненные обстоятельства купечества о которых рецензируемый им драматург, т.е. сам Островский, и не подозревал: «Это – мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении. Нет ни света, ни тепла, ни простора. Гнилью и сыростью веет темная и низкая тюрьма. Ни один звук с вольного воздуха, ни один луч света не проникнет в нее» [10. С. 68].

Появление пьесы «Гроза» вызвало новую статью Добролюбова о творчестве Островского, которая уже не так сильно проникнута пессимизмом и озаглавлена «Луч света в темном царстве». Автор видит в поступке Катерины протест против «негодной среды, мешающей хорошей деятельности» [11. С. 211]. Русские радикалы, сторонники решительных преобразований общества всеми доступными им средствами, включая террор и революцию, готовы были пожертвовать ради этих идей не только чужими человеческими жизнями, но и своими. Вполне естественно, что они принимали и приветствовали самоубийство, один из самых страшных грехов в православии, как протест против существующих порядков. Поэтому Добролюбов видит в драме «Гроза» что-то «освежающее и ободряющее», считает, что эта пьеса – «самое решительное произведение Островского, взаимные отношения самодурства и безгласности ... доведены в ней до самых трагических последствий... Фон пьесы указывает на шаткость и близкий конец самодурства. Затем самый характер Катерины, рисующийся на этом

фоне, тоже веет на нас новой жизнью, которая открывается нам в самой ее гибели» [Там же. С. 231].

Добролюбов во многих социальных и эстетических вопросах находился под сильным влиянием своего старшего соратника Н.Г. Чернышевского (1828–1889), с которым имел много общего как в биографии, так и в образе мыслей. Оба они находились под влиянием немецких философов, в частности Л. Фейербаха, поэтому мировоззрение Добролюбова быстро превратилось в материалистическое, и он стал врагом идеализма, весьма напоминавшим тургеневского Базарова, хотя многие литературоведы говорят о прототипе в лице Писарева. Вслед за Чернышевским Добролюбов придерживался концепции «разумного эгоизма», согласно которой каждый человек в первую очередь стремится к удовлетворению собственных потребностей, если они содействуют общему благу. Во всех вопросах, которые касались экономических и социальных проблем, он повторяет и пересказывает, только своими словами, мысли Чернышевского [Там же. С. 27]. Сюда относятся революционность, симпатии к социализму, ненависть к либерализму и славянофильству.

В этой связи интересен конфликт между Добролюбовым и критиком из журнала «Москвитянин», затем сотрудничавшим со многими изданиями, Аполлоном Григорьевым, который также написал несколько статей, посвященных творчеству Островского, в одной из которых восторженно воскликнул: «Нет бога кроме Островского и пророка его выше Садовского» [8. Т. 1. С. 6]. Надо сказать, что творчество Островского породило полемику между славянофилами, к которым тогда принадлежал А. Григорьев, и революционными демократами в лице Чернышевского, Добролюбова и др. Коснулось это и проблемы освещения облика русского купечества в пьесах Островского. Добролюбов с сарказмом отмечает: «Нужно заметить, что г. А. Григорьев – один из восторженных почитателей таланта Островского; но – должно быть, от избытка восторга – ему никогда не удастся высказаться с некоторой ясностью, за что же именно он ценит Островского. Мы читали его статьи и никак не могли добиться толку. Между тем, разбирая “Грозу”, г. Григорьев посвящает нам несколько страничек и обвиняет нас в том, что мы прицепили ярлычки к лицам комедий Островского, разделили все их на два разряда: самодуров и забытых личностей, и в развитии отношений между ними, обычных в купеческом быту, заключили все дело нашего комика. Высказав это обвинение, г. Григорьев восклицает, что нет, не в этом состоит особенность и заслуга Островского, а в народности» [11. С. 211–212].

Аполлон Александрович Григорьев, уроженец Замоскворечья, с детства видевший бытовые и коммерческие подробности жизни московского купечества, не мог согласиться с резко обличительной характеристикой Добролюбова. У него живы в памяти были улицы Замоскворечья, где дома дворян «стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими

себя с горя, в ряду других, крепко сколоченных и хозяйственно глядевших купеческих домов с высокими воротами и заборами... С воспоминаниями о серых лошадях хозяина, седого купца Игнатия Иваныча, который важился меня часто смотреть в чистую и светлую конюшню; об извозчике-лихаче Дементье, который часто катал меня от Тверских ворот до нынешних Триумфальных, вероятно из симпатии к русым волосам и румяным щекам моей младшей няньки; о широкой площади с воротами Страстного монастыря перед глазами и с изображением на них “страстей господних”...» [12. С. 21]. Поэтому Ап. Григорьев не соглашался видеть в Островском только сатирика: «Самодурство – это только накипь, пена, комический осадок, оно, разумеется, изображается по-этом комически, да как же иначе его и изображать? – но не оно – ключ к его созданиям! <...> имя для этого писателя, для такого большого, несмотря на его недостатки, писателя – не сатирик, а народный поэт. Слово для разгадки его деятельности не “самодурство”, а “народность”» [13. Т. 1. С. 464].

С таким определением творчества А.Н. Островского, с такой характеристикой купечества в его пьесах был полностью согласен один из потомков купеческой династии, с 1920 г. оказавшийся в эмиграции, – Павел Афанасьевич Бурьшкин. В воспоминаниях он писал, что «известный критик Аполлон Григорьев в своих статьях “После “Грозы” указал на всю фальшь приемов либеральной критики, сказавшуюся в том, что она усмотрела юмор сатирика там, где в действительности была только одна наивная правда народного поэта... Особенно это применимо к комедии “Не в свои сани не садись”, относительно которой не может быть сомнения, что сочувствие автора находится на стороне представителей “темного царства” Русакова и Вани Бородинкина, тогда как “господа”, Вихорев и Баранчевский, обрисованы такими красками, что никоим образом не могли пользоваться симпатией не только автора, но даже самого непредубежденного зрителя» [14. С. 54]. На наш взгляд, оценка Ап. Григорьева справедлива, пьесы Островского показывают читателям и театральным зрителям, а после экранизации его драм и комедий – и широким кругам кинозрителей, прежде всего бытописателя, беспристрастно отражающего в своих творениях действительность, как он ее видит и понимает.

В пореформенный период, когда рушилась замкнутость сословных и культурно-бытовых групп общества, Островский переключается с «купеческой темы» как основной в своем творчестве на другие, не менее животрепещущие. Социальная и хронологическая пестрота характеризует его произведение в этот период: от исторических событий и частной жизни XVII в. до «злобы дня», включения в круг персонажей бедных мещан российских окраин, провинциальных актеров и актрис, обитателей разоренных дворянских усадеб, вполне цивилизованных и европеизированных предпринимателей-воротил. Этот период – с 1861 г. до самой смерти великого драматурга в июне 1886 г. – был необычайно

плодотворен и проходил в рамках критического реализма великой русской литературы, свойственного большинству классиков этой эпохи.

Через десять лет после выхода «Грозы» появляется еще одна пьеса Островского, посвященная провинциальному купечеству, – «Горячее сердце» (1869). Действие происходит все в том же поволжском городе Калинове, персонажи комедии также переключаются: место Дикого занимает купец Курослепов, Катерины – Параша, Бориса – Вася. Однако заметны и большие перемены: вместо драмы, переходящей в трагедию в «Грозе», в «Горячем сердце» наблюдается комедия – бодрая и задорная, а в основу сюжета положен, по сути дела, детектив, когда загадочная пропажа денег обрабатывается разоблачением скандального романа хозяйки дома со своим приказчиком, которому она их тайно передает. К этому времени расшатаны основные моральные устои прежней жизни: дочь Курослепова Параша самовольно уходит из дома, его жена вступает в греховную связь с приказчиком, а сам глава семейства находится в каком-то расслабленном состоянии, не в силах приспособиться к новым условиям жизни и предпринимательства. Героем наступившей эпохи становится купец новой формации Хлынов, образ которого переключается с колоритной личностью купца Хлудова, который более циничен и практичен в своих действиях, чем купцы старой формации. Единственная его слабость – желание тратить деньги «с фантазией», чтобы об этом все говорили и удивлялись, для чего он возит с собой богатого на выдумку «бывшего интеллигентного человека» Аристарха, берет в шуты купчика Васю, водит дружбу с градоначальником и чиновниками, которым готов платить огромные штрафы, маскируя этим фактические взятки. Подобно лесковскому «Чертогону» Хлынов готов пускаться в самые нелепые затеи: устраивать грандиозные кутежи, поливать садовые дорожки шампанским, стрелять в честь гостя из пушки и совершать другие поступки, подсказанные нетрезвым рассудком. Такие бессмысленные на первый взгляд действия, по-моему, связаны с большим напряжением предпринимательской деятельности, когда постоянная угроза разорения или даже уголовного преследования, скука повседневной жизни находят выход в виде безумных трат денег, сил и выдумки для обретения, хотя бы и временно, душевного равновесия (подробнее см.: [15]).

Еще через десять лет появляется пьеса «Бесприданница» (1879), действующие лица которой уже мало напоминают купцов, с которыми А.Н. Островский познакомил нас раньше. В них нет и следа тех патриархальности и неотесанности, какие отличали Дикого и Курослепова. Это владельцы торговых фирм, а не лавок и лабазов, они носят вместо купеческих поддевок европейские одежды, читают парижские газеты и ведут себя гордо, почти недоступны для общения, как миллионер Кнуров, который, по его словам, разговаривать ездит в Петербург да за границу. Его собрат по бизнесу Вожеватов пока более живой и доступный, хотя тоже

следует установленным правилам: вместо традиционного купеческого чая он с утра пьет шампанское, разлитое в чайники, «чтобы люди чего дурного не сказали». Однако по-прежнему в купеческой жизни царят, по мнению Островского, холодная расчетливость и цинизм, уверенность в неотразимости банкнот и чековой книжки. Разменной монетой в такой жизни становится любовь. Два уже упомянутых купца и барин-делец Паратов соперничают за благосклонность Ларисы Огудаловой, но любви в пьесе очень мало. Вожеватов заранее уступает Ларису Кнурову, считая, что всякому товару есть цена и Лариса ему пока не по карману. Кнуров охотно сторонится перед Паратовым, чтобы потом легче было взять реванш и увезти сломленную Ларису в Париж на выставку... А заканчивается все тем, что купцы испытывают еще раз судьбу и разыгрывают Ларису в «орлянку», но она не достается никому и умирает от рук своего жениха, скромного, но амбициозного Карандышева. По мнению известного критика В. Лакшина, по особой сложности и напряженности скрытых душевных переживаний «Бесприданница» представляет собою новое слово в творчестве Островского и в этом своем качестве предвосхищает чеховскую психологическую драму» [16. С. 33].

Таким образом, на протяжении более чем 30 лет А.Н. Островский наблюдал и отображал многообразную жизнь купечества. Сначала это была какая-то экзотическая страна, которая находилась рядом, но не была известна литературе. Писатель как бы приглашает заглянуть в окна купеческих особняков и не только увидеть чинно обсуждающих за самоваром свои дела купцов, плутующих и угодливых приказчиков, купеческих жен и дочерей, но и услышать их оригинальный и образный язык, увидеть воочию их образ жизни, узнать их мысли и чаяния. В сознании читателей и театральных зрителей Островский закрепился как бытописатель купечества, который и сам, как на портрете Перова, похож на купца в просторном халате с меховой опушкой, спокойный, уравновешенный, благодушный.

Однако не все так просто в творчестве великого драматурга: на протяжении своей сознательной жизни его взгляды и жизненная позиция менялись. Сначала следование традициям сценической школы Н.В. Гоголя, затем несколько лет сотрудничества в славянофильском «Москвитянине» и даже увлечение взглядами революционных демократов. Но долгие годы работы в передовых журналах «Современник» и «Отечественные записки» изменили мысли и стиль пьес Островского, и он в своем творчестве предвосхищает новаторскую драматургию Чехова. Самый известный критик Островского – Добролюбов – в уже рассмотренных здесь статьях дал развернутую, хотя и претенциозную, критику первых его пьес, но в дальнейшем многие критические положения переносились на более поздние произведения драматурга. Об этом была написана и в 1968 г. защищена в Томском университете диссертация Э.М. Жилияковой, в которой был продолжен разбор творчества

А.Н. Островского в последние годы его жизни [17]. Отрадно, что и в наши дни этот автор продолжает изучение наследия великого драматурга, но уже как плодотворного переводчика [18].

Творчество А.Н. Островского, небывалый успех его пьес, которые составили основной репертуар русского театра, вызвали целый поток подражателей, пытавшихся использовать «купеческую тему» в своих интересах. По мнению П.А. Бурьшкина, представителя последнего поколения дореволюционного купечества, оказавшегося затем в эмиграции, «рядом с Островским нужно поставить И.Ф. Горбунова, который изображал быт купечества примерно в тех же красках. Он был актер Александринского театра в Петербурге, но славился главным образом как неподражаемый рассказчик... Он написал пьесу «Самодур», где превзошел Островского в «обличении» купеческой бесчестности и преступности, но, как и другие произведения Горбунова, они особого успеха не имели» [14. С. 56]. Известный литературный критик Л. Лотман разбирает творчество целого ряда драматургов, последователей А.Н. Островского, принадлежавших к «купеческой школе» драматургии, но большинство из них не получили известность, так как не имели оригинальности и таланта своего литературного вождя и попросту перелицовывали его пьесы [19. С. 145–159]. Без таланта и мудрости Островского это направление быстро иссякло, оставив только слабый след в литературной и театральной истории страны.

В заключение отметим, что творчество А.Н. Островского на протяжении более чем трех десятков лет претерпело серьезную эволюцию и прошло ряд этапов. В целом наблюдался переход от критического направления его пьес в отношении купечества к бытописательству, а затем и к художественному проникновению в суть изображаемых явлений и процессов. Если Островский видел и обличал общественные пороки и недостатки, то практически всех групп населения, а не только русской купеческой среды. Само понятие «темное царство» было навязано революционной критикой в своих пропагандистских целях, но не было правдой жизни, которая присутствовала в пьесах Островского и была основана на глубоком знании и понимании образа жизни и деятельности купечества. Тем не менее «добролюбовское» толкование Островского было господствующим на протяжении почти полутора веков и находит своих сторонников и поныне. На мой взгляд, гораздо более приемлема и интересна для исследования истории купечества концепция, предложенная другим критиком, Аполлоном Григорьевым, суть которой сводится к тому, что купечество является неотделимой частью народа, несет в себе много положительных качеств, которые в современном ему обществе недооценены. Это касается как сословия в целом, так и отдельных его представителей. А.П. Григорьев неоднократно вступался за «купчишку», как его называли иногда оппоненты, Н.А. Полевого, автора капиталь-

ного труда «История русского народа» и издателя журнала «Московский телеграф». Этот журнал был закрыт по указу императора Николая I за отрицательную рецензию редактора на псевдопатриотическую пьесу Н.В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Обремененный семьей и долгами Полевой, бывший когда-то иркутским купеческим сыном, вынужден был сам теперь писать официальные патриотические драмы из русской истории [12. С. 47–48]. Положительная оценка роли купечества в русской истории отражена и в некоторых современных работах. Например, составитель «Энциклопедии купеческих родов» О. Платонов считает, что «православному русскому человеку была чужда идея стяжательства, богатства ради богатства – представления прогресса

как постоянного наращивания обладания все большим числом вещей и предметов. Идею прогресса как стяжательства русская духовная культура противопоставляет идею преобразования жизни через преодоление греховной основы человека путем самоотверженного подвижнического труда» [20. С. 26]. Именно через труд, причем сложный квалифицированный труд владельца предприятия и его служащих, возможен правильный (праведный) путь к богатству, и об этом говорили многие русские писатели и ученые. Такой путь привел бы Россию к середине XX в. к мировому лидерству в экономике, численности населения, уровне его жизни и многих других показателях. Однако этого, к великому сожалению, не случилось, и сегодня многое придется создавать заново.

ЛИТЕРАТУРА

1. История предпринимательства в России. М. : РОССПЭН, 2000. Кн. 1 : От средневековья до середины XIX в.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX веков / сост.: А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Серета. М., 2007.
3. Русские писатели : биобиблиографический словарь : в 2 т. / под ред. П.А. Николаева. М. : Просвещение, 1990.
4. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. М. : Сов. Россия, 1984. С. 42–72.
5. Островский А.Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1959.
6. Берг Н.В. Молодой Островский // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1966. С. 36–46.
7. Горбунов И.Ф. Отрывки из воспоминаний // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1966. С. 47–64.
8. Островский А.Н. Собрание сочинений : в 6 т. М. : ТЕРРА, 1999.
9. Максимов С.В. Литературные путешествия. М. : Современник, 1986.
10. Добролюбов Н.А. Темное царство (Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859) // Статьи об Островском. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. С. 3–152.
11. Добролюбов Н.А., Писарев Д.И. Избранное. М. : РОССПЭН, 2010.
12. Григорьев Ап. Воспоминания. Л. : Наука, 1980.
13. Григорьев Ап.А. Сочинения. СПб. : Изд. Н.Н. Страхова. СПб., 1876.
14. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая : мемуары. М. : Высшая школа, 1991.
15. Бойко В.П. Русское купечество в изображении Н.С. Лескова // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 45–50.
16. Лакшин В. Островский – драматург // Островский А.Н. Избранные пьесы. М. : Худож. лит-ра, 1982. С. 3–44.
17. Жилиякова Э.М. Особенности реализма драматургии А.Н. Островского 70–80-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968. 276 с.
18. Жилиякова Э.М., Буданова И.Б. «Мандрагора» Н. Макиавелли в переводческом наследии А.Н. Островского // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 5–11.
19. Лотман Л. А.Н. Островский и русская драматургия его времени. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961.
20. 1000 лет русского предпринимательства : из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова. М. : Современник, 1995.

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vpbojko@yandex.ru

RUSSIAN MERCHANTS IN PLAYS BY A.N. OSTROVSKY AND IN THE ARTICLES OF HIS CRITICS.

Key words: Russia; merchants; A.N. Ostrovsky; activity; appearance.

The article is devoted to the history of the Russian merchants' entrepreneurship, reflected in the works of A.N. Ostrovsky, and is about contemporaries' attitude to his plays, especially professional critics'. Here are highlighted the key periods in creativity of the great playwright. The period when he followed the canons of a natural school, then became a Slavophile was the first one. Then A.N. Ostrovsky paid tribute to the revolutionary-democratic trend in Russian literature and it was only after the reform of 1861 that he embarked on the path of mature realism. This evolution did not remain without the close attention of contemporaries and was reflected in literary criticism, which is also examined and analyzed in the article. Ostrovsky's works of art, materials of his expedition to the Upper Volga and correspondence, memories of his contemporaries, critical articles about him in the periodical press were used as the main sources here. In addition, the author of the article got acquainted with many works of literary critics that show the features of the great playwright's creativity and the evolution of his views throughout almost four decades of the XIX century. The most close to the author's convictions is the concept proposed by the well-known critic Apollon Grigoriev who believed that the merchant class was an inseparable part of the people and had many positive qualities that in his contemporary society had been undervalued. This applies to both the whole class and its individual representatives of the merchants. The concept of "the dark kingdom" was imposed on revolutionary criticism for propaganda purposes and was not the truth of life, which was present in the plays of Ostrovsky. The very notion of a "dark kingdom" was imposed by revolutionary criticism for propaganda purposes and was not the truth of life that was presented in Ostrovsky's plays. His work was based on a deep knowledge, understanding of the way of life and activity of the merchant class, it has become known through many historical studies only recently. Nevertheless, Dobrolyubov's interpretation of Ostrovsky was dominant for almost a century and a half and finds his supporters to this day. The Great Russian playwright A.N. Ostrovsky showed the sprouts of new relations in the Russian reality of the second half of the nineteenth century, which also gave positive results. Although the article notes that Russian entrepreneurship and commerce in the pre-reform time were covered by Ostrovsky as a rudimentary and primitive, in 30 years certain changes in this characteristic had already been noted. Here are some of the results of this development: most merchants received a good education, were interested in politics and culture, and often went abroad, had become the leading force in the economy and a notable figure in the social and cultural life of the country.

REFERENCES

1. Bovykin, V.I., Gavlin, M.L., Epifanova L.M. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of Entrepreneurship in Russia]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
2. Semenova, A.V., Aksenov, A.I. & Sereda, N.V. (2007) *Kupecheskie dnevniki i memuary kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Merchants' Diaries and Memoirs of the late 18th – first half of the 19th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
3. Nikolaev, P.A. (ed.) (1990) *Russkie pisateli. Biobibliograficheskiy slovar': v 2 t.* [Russian writers. A Biobibliographical Dictionary: In 2 vols]. Moscow: Prosveshchenie.
4. Belinskiy, V.G. (1984) Peterburg i Moskva [Petersburg and Moscow]. In: Belinskiy, V.G. & Nekrasov, N.A. (eds) *Fiziologiya Peterburga* [Physiology of Petersburg]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 42–72.
5. Ostrovskiy, A.N. (1959) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works. In 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Berg, N.V. (1966) Molodoy Ostrovskiy [Young Ostrovsky]. In: Grigorenko, V.V., Makashin, S.A., Mashinskiy, S.I. & Ryurikov, B.S. (eds) *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 36–46.
7. Gorbunov, I.F. (1966) Otryvki iz vospominaniy [Excerpts from memoirs]. In: Grigorenko, V.V., Makashin, S.A., Mashinskiy, S.I. & Ryurikov, B.S. (eds) *A.N. Ostrovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [A.N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 47–64.
8. Ostrovskiy, A.N. (1999) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Moscow: TERRA.
9. Maksimov, S.V. (1986) *Literaturnye puteshestviya* [Literary trips]. Moscow: Sovremennik.
10. Dobrolyubov, N.A. (1956) *Stat'i ob Ostrovskom* [Articles about Ostrovsky]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh lit-ry. pp. 3–152.
11. Dobrolyubov, N.A. & Pisarev, D.I. (2010) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
12. Grigoryev, Ap. A. (1980) *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka.
13. Grigoryev, Ap.A. (1876) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: N.N. Strakhov.
14. Buryshkin, P.A. (1991) *Moskva kupecheskaya. Memuary* [Moscow of Merchants. Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Boyko, V.P. (2016) N.S. Leskov about Russian merchants. *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 45–50. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/7
16. Lakshin, V. (1982) Ostrovskiy – dramaturg [Ostrovsky as a playwright]. In: Ostrovskiy, A.N. *Izbrannye p'esy* [Selected Plays]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–44.
17. Zhilyakova, E.M. (1968) *Osobennosti realizma dramaturgii A.N. Ostrovskogo 70 – 80-kh godov* [Realism of A.N. Ostrovsky's dramatics of the 1870 – 1880s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Zhilyakova, E.M. & Budanova, I.B. (2016) The Mandrake by Niccolo Machiavelli in the translation heritage of A.N. Ostrovsky. *Vestnik Tomskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/1
19. Lotman, L. (1961) *A.N. Ostrovskiy i russkaya dramaturgiya ego vremeni* [Ostrovsky and Russian dramaturgy of his time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Platonov, O. (1995) *1000 let russkogo predprinimatel'stva: iz istorii kupecheskikh rodov* [1000 years of Russian entrepreneurship: From the history of merchant families]. Moscow: Sovremennik.